УДК 397+316.3

ББК 63.5+60.55

DOI 10.31554/2222-9175-2020-38-40-46

А. Д. Гомбожапов

РОЛЬ РОДСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ

Рассмотрена роль родства в социальной самоорганизации кочевников. Материалы полевых исследований однозначно фиксируют существование неформальных семейно-родственных групп, объединяемых на основе прежде всего общих экономических и хозяйственных интересов. Противоречия в правовых вопросах пользования пастбищными землями, с одной стороны, и присущие кочевому образу жизни временность и относительность территориального поселения – с другой, способствуют устойчивому существованию кочевой общины. Социально-правовое регулирование в условиях отсутствия действенных публично-государственных институтов замещается традиционными представлениями о праве собственности, носители которых выступают в лице семейно-родственных групп кочевников.

Ключевые слова: родство, кочевая община, социальная организация, Монголия.

A. D. Gombozhapov

THE IMPORTANCE OF KINSHIP IN THE FORMATION OF SOCIAL GROUPS OF NOMADS OF MONGOLIA

The article considers the role of kinship in the social self-organization of nomads. Field research materials unequivocally record the existence of informal family-related groups, united on the basis of primarily common economic interests. The contradictions in the legal issues of pasture land use, on the one hand, and the temporality and relativity of the territorial settlement inherent to the nomadic way of life, on the other hand, contribute to the sustainable existence of informal groups in the social organization of nomads. Social and legal regulation in the absence of effective public-state institutions is replaced by traditional ideas about the right of ownership, carriers of which are represented by family-related groups of nomads.

Keywords: kinship, nomadic community, social organization, Mongolia.

Современное общество Монголии весьма разнородно. Резкий контраст придает одновременное сосуществование традиционного кочевых образа жизни и современного урбанизированного общества. Скачковые преобразования общественно-экономических устоев послужили причиной непреодоленной многоукладности в общественной сфере Монголии [Rossabi 2005]. Кризисы постсоциалистического периода в сельских областях в довольно острой форме поставили перед населением вопросы собственного жизнеобеспечения [Грайворонский 1997; Mongolia in Transition... 1996]. Снижение регулирующей роли государства как в экономике, так и в общественной жизни, его отказ от обеспечения или невыполне-

ние большого количества обязательств по социальной защите привели к тому, что в среде кочевого населения стали возрождаться традиционные институты и механизмы взаимопомощи и поддержки [Szyrkiewicz 1993]. В организационном плане на низовом социальном уровне кочевые домохозяйства (айлы), не рассчитывая только на собственные силы, стали формировать устойчивые объединения, призванные защитить их экономические и хозяйственные интересы, помочь в сложных условиях кризисного периода.

Вполне логично, что наиболее востребованной формой стали объединения домохозяйств на основе родственных связей. Родство есть феномен, определяющий основы социальной организации традиционных обществ. В непростых условиях конца XX – начала XXI в. именно коллектив родственников становится той устойчивой социальной группой, в которой оказываемая внутри него взаимопомощь позволяла преодолевать жизненные неурядицы и гарантировала относительную экономическую стабильность.

Конечно, в условиях постоянной мобильности при кочевом образе жизни община родственников никогда не являла собой долговременного объединения, распадаясь на более мелкие семейно-родственные группы. Но за последнее время под воздействием различных факторов степень подвижности, выражаемая в частоте, протяженности перекочевок и длительности пребывания на одном месте, у современных кочевников уменьшается. Длительное совместное проживание на одной территории способствует сплочению коллективов семейно-родственных групп на основе общности экономических, хозяйственных и духовных интересов. В этом смысле можно говорить о реалиях кочевых общин скотоводов наряду с другими формами социальной самоорганизации. Признание наличия данной формы самоорганизации позволяет применять при исследованиях особенностей развития кочевого общества современной Монголии так называемый сетевой подход [Social Structures... 1988].

Один из ведущих ученых в области сетевого подхода в изучении социальной организации Б. Уэллман следующим образом определил роль родственных отношений в создании неформальных социальных групп: «В странах Третьего мира сети личных связей составляют важную часть взаимоотношений в области производства, так как там нет ни структур, ни капитала для поддержки экстенсивной рыночной экономики. В странах Третьего мира, где профессиональная занятость нестабильна и нет фондов поддержки неработающих, выживание каждого – насущная необходимость. Социально контролируемая надежность родственных отношений становится решающим фактором в ситуациях борьбы за скудные ресурсы выживания. Люди развивают многообразные контакты, перенося их из чисто общественных отношений на источники материальных ресурсов. Для маргинальных групп эти связи – основная стратегия выживания. Средний класс развивает неформальные сети связей и формальные взаимоотношения для поддержания вертикальной мобильности. Такие сети открывают дорогу к социальным институтам стран Третьего мира: школы, больницы и учреждения для обеспечения занятости» [Уэллман 2000: 87].

Действительно, родственные связи – это, несомненно, та естественная основа, на которой по большей части строится сеть личных взаимосвязей кочевников. Опора на родственные связи была важной для кочевников на протяжении всей их истории.

Устойчивость кочевого хозяйства всегда относительна [Толыбеков 1971; Марков 1976; Крадин 2007]. И в современных условиях, когда помимо существовавших рисков для кочевого хозяйства добавились неопределенности рыночной экономики, значение родственных отношений возросло.

Материалы полевых исследований по районам Монголии (собранные в ходе опросов в сомонах Хэнтэйского, Центрального, Булганского и Баянхонгорского аймаков с 2016 по 2019 г.) в самых общих чертах показывают, что большинство кочевых общин формируется по патрилокальному принципу. Повзрослевшим сыновьям выделяют полагающуюся им часть из поголовья скота и иного движимого имущества, которые обживают на новом месте в той же местности. Примечательно, что в выделенных нами кочевых общинах среди ее членов присутствуют домохозяйства сестер и дочерей. В хот-айлах (группа из нескольких айлов) встречается также, но гораздо реже, и уксорилокальное поселение. В таких случаях зачастую зять не был связан со скотоводством и после женитьбы менял свои занятия на пастбищное скотоводство, становясь новым членом кочевой общины.

Для наглядного представления структуры кочевой общины можно привести следующую схему родственных взаимосвязей, очерченную по данным опроса глав домохозяйств местности Бийрин гол сомона Улзийт Баянхонгорского аймака (рис.). Кочевую общину образуют шесть родственных между собой айлов. Все они находятся в близкородственных связях между собой и являются детьми одних родителей. На схеме представлены супружеские пары, которые и образуют шесть айлов кочевой общины. Остальные члены не входят в нее, поскольку проживают в городе или поселке (сомон).

Рассмотрим функции кочевой общины. Прежде всего это правоохранительная функция, через проявление которой можно, собственно, говорить и о существовании кочевой общины в данной местности.

В условиях модели землевладения «открытого» пастбища правом пользования естественными угодьями обладают в равной мере все скотоводы. Это подтверждено законом о земле 2002 г., где природные пастбища рассматриваются как общее достояние граждан Монголии [Sneath 2003]. Такое положение вещей отражает особенности экстенсивного кочевого скотоводства. Растительность на пастбищах варьируется от места к месту, меняется как в короткий, так и в длительный период времени («от недели к неделе и от года к году»). Летом большое значение имеют источники воды для скота, и кочевые хозяйства стягиваются к

Условные обозначения

▲ — мужчина; ● — женщина; ▲ — эго (говорящий); — — кровное родство; == — брачная связь.

Рис. Схема родственных связей кочевой общины

речным долинам и колодцам. Осенью и зимой кочуют поближе к горам и возвышенностям, где можно укрываться от холодных ветров. В неблагоприятные годы, что не редкость в условиях Монголии, интенсивность и дальность перекочевков возрастают. В этом отношении постоянная смена места есть стратегия устойчивости кочевого домохозяйства. В силу этого форма частного землевладения на ограниченную площадь пастбищных угодий не имеет рационального смысла. Между тем кочевники живут и ведут свое хозяйство на определенной территории. Эти пастбища имеют ограниченный ресурс, и бесконтрольное пользование ими ведет к стравливанию и превышению предельной нагрузки. Для скотоводов это означает необходимость защиты своих пастбищных угодий. В то же время они не хотят терять возможность перекочевки на отдаленные пастбища в случае засушливого года или бескормицы в зимний период времени. Эта двойственность положения и составляет картину сегодняшних противоречивых взаимоотношений кочевников [Barcus 2018; Sneath 2003].

Члены общины выступают как носители собственнических прав на пастбища по факту рождения и проживания на данной территории (*törsön nutag*). Наличие широкой сети родственных связей позволяет кочевым общинам охватывать довольно обширную территорию, опираясь на традиционные представления о преимущественных правах пользования. Причем в случае переезда кочевого домохозяйства на другую территорию по причине бескормицы это право остается за ним, и занимать эти земли без разрешения членов кочевой общины нельзя.

Чем плотность кочевых домохозяйств выше, а это, как правило, центральные районы Монголии, тем острее проявляются данные противоречия. Для защиты своих интересов кочевники объединяются на родственной основе в неформальные группы и выступают единым коллективом перед лицом внешних посягательств. Оговоримся, что родство не является единственно необходимым условием формирования кочевых общин. Безусловно, существуют общности кочевников, образуемые на основе территориального единства. Например, в гобийских регионах есть временные коллективы людей, группирующихся возле источника ключевой воды (*neg usnykhan*) и не обязательно приходящихся друг другу родственниками или находящихся в отношениях свойства [Цэрэнханд 2015; Bold 1996]. Но в большинстве случаев основу общины составляют семейно-родственные коллективы.

Конечно, община – не единственная форма организации кочевников. В административном отношении каждый айл входит в низовую административную единицу баг, из которых, в свою очередь, формируется сомон как следующая ступень административно-территориального управления. Регулирование поземельных отношений на местном административном уровне происходит только с общего согласия членов бага, которое принимается на собраниях. Руководитель бага (*багын дарга*) при этом руководствуется не столько нормами публичного права, сколько традиционными общественными представлениями и обычаями.

Объединенные айлы родственников не допускают вольного поселения на занятой ими территории, за исключением случаев перекочевки домохозяйств. В процессе перекочевки домохозяйства на определенном расстоянии от близлежащих айлов могут расположиться на короткий срок, в среднем от 5–6 дней. Более длительное пребывание грозит тем, что они могут быть выдворены местными скотоводами.

В этом условном совместном владении и пользовании, где за общественным статусом пастбищных угодий находится непосредственный владелец, и проявляется одна из важнейших функций родственной кочевой общины.

Иной формой самоорганизации кочевников являются добровольные объединения. Чаще всего они носят спонтанный разовый характер и создаются для решения конкрет-

ных проблем, не связанных с кочевым хозяйством, например кооперативы скотоводов (*khorsoo*) или общества по защите леса и охране диких животных от браконьеров.

Вторая функция – это кооперация труда в условиях его низкой механизированности. Несмотря на автономность кочевого домохозяйства как производственной ячейки, все же полностью полагаться на собственные силы оно не может. На это указывает А. М. Хазанов, говоря о том, что «осуществление полного производственного цикла (и тем более – нескольких циклов подряд) силами одного, среднего по своей зажиточности хозяйства у кочевников, как правило, невозможно, во всяком случае, крайне трудно» [2002: 162]. Хотя А. М. Хазанов имел в виду кочевников более раннего времени, данное положение вполне справедливо и для современных животноводств Монголии. Вместе с ликвидацией коллективных хозяйств, действовавших в социалистической Монголии, пришла в упадок материально-техническая база животноводства. Производство животноводческой продукции перешло от крупного коллективного хозяйства к мелким кочевым коллективам, что отбросило их далеко назад от достигнутого в конце 80-х гг. прошлого столетия технологического уровня механизации труда.

Как правило, в повседневной трудовой деятельности не возникает потребности в большом количестве рабочих рук. И чтобы справиться с возникающими в хозяйстве делами, вполне достаточно помощи соседей из близлежащего айла (*saa-khalt-ail*). Объединяются прежде всего для решения простых задач, экономии трудовых затрат, времени и финансов, к примеру для транспортировки молочной и мясной продукции в близлежащие сомонные центры или отправки на крупные городские рынки (особенно в зимне-осеннее время). Также это оказание услуг по выпасу домашнего скота в период отсутствия хозяев, выезжающих в город для продажи своей продукции и закупки необходимых товаров.

Усилия большого количества людей требуются при выполнении сезонных работ. Проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство способствует все большей индивидуализации хозяйств и утрате традиционных представлений о помощи без личной материальной выгоды. В этих условиях роль родства как характерного социального ресурса проявляется весьма ярко. Именно опора на родственников, не требующих обязательного возмещения в ответ на оказанные трудовые услуги, становится фактором для межсемейной кооперации современных номадов. Хотя и здесь возникает вопрос о различии в трудовых затратах между разными по количеству поголовья домохозяйствами. В хозяйстве, где скота мало, временные затраты и объем работ не столь существенны, в отличие от многоскотных хозяйств. Например, в короткий период ручного вычесывания козьего пуха (если вовремя не вычесать пух, то он будет растерян) каждое хозяйство стремится как можно скорее управиться с работой. Установленная очередность по хозяйствам грозит тем, что какое-либо из этих хозяйств упустит благоприятное время. Выходом из этой ситуации становится привлечение наемной рабочей силы. Также в этот период, как правило, не хватает рабочих рук вследствие того, что дети находятся на учебе либо в школе, либо в средних или высших учебных заведениях. Обычно рабочая сила привлекается из аймачных и сомонных поселений. Хотя вычесывание пуха очень трудоемкий процесс, все же оплата его не высока. Расценки на труд варьируются в зависимости от района, объема работ и составляют в среднем от 500 до 1 тыс. тугриков за одну козу (экспедиция в Баянхонгорском аймаке Монголии. Июль – август 2019 г.). Возможна натуральная оплата труда скотом в живом весе.

Можно отметить и духовную функцию кочевой общины. Ее члены могут выступать как единый коллектив в период проведения местных праздников, обрядов жизненного цикла и религиозных мероприятий.

Роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах. Прежде всего широкая сеть родственных связей увеличивает возможности перекочевок в другие сомоны и за пределы аймаков. При переселении на новое место родственные отношения помогают кочевникам-мигрантам легко адаптироваться и получить разрешение на поселение. Местные скотоводы помогают вновь прибывшим родственникам в получении зимних пастбищ и территории для зимника, который считается официальным местом пребывания. На общем собрании скотоводов, как правило, отношения родства являются достаточным основанием для прохождения процедуры одобрения.

Таким образом, образовавшийся в постсоциалистический период институциональный вакуум был восполнен такой традиционной формой самоорганизации, как кочевая община, которая продолжает быть востребованной и в настоящее время. Основой формирования кочевых общин стала сеть родственных связей. Она выступает как важный социальный ресурс в стратегии выживания кочевых домохозяйств.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

Литература

- Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода, 1980–1995 / В. В. Грайворонский. – М.: Вост. лит-ра, 1997. – 184 с.
- Крадин Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 320 с.
- Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ / С. Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Наука, 1971.
- Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей / Б. Уэллман // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 78–87.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 512 с.
- Barcus H. R. Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform / H. R. Barcus // Geographical Review. – 2018. – Vol. 108. – No. 1. – P. 138–157.
- Bold B. Socioeconomic segmentation – Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia / B. Bold // Nomadic Peoples. – 1996. – No. 39. – P. 69–86.
- Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges / ed. by Ole Bruun, Ole Odgaard. – London: Routledge, 1996. – 260 p.
- Rossabi M. Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists / M. Rossabi. – University of California Press, 2005. – 418 p.
- Sneath D. Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia / D. Sneath // Oxford Development Studies. – 2003. – No. 4. – P. 441–459.
- Social Structures: a Network Approach / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 513 p.
- Szynkiewicz S. Mongolia's Nomads Build a New Society Again: Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy // Nomadic Peoples. – 1993. – No. 33. – P. 163–172.
- Цэрэнханд Г. Монгол ахуй – угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвэр / Г. Цэрэнханд. – Улаанбаатар хот: «Адмон-принт» ХХК, 2015. – 572 х.

References

- Grajvoronskij V. V. Sovremennoe aratstvo Mongolii: social'nye problemy perehodnogo perioda, 1980–1995 / V. V. Grajvoronskij. – M.: Vost. lit-ra, 1997. – 184 s.

Kradin N. N. Kochevniki Evrazii / N. N. Kradin. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – 416 s.

Markov G. E. Kochevniki Azii: struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii / G. E. Markov. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. – 320 s.

Tolybekov S. E. Kochevov obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka: politiko-ekonomicheskij analiz / S. E. Tolybekov. – Alma-Ata: Nauka, 1971.

Uellman B. Mesto rodstvennikov v sisteme lichnyh svyazej / B. Uellman // Sociologicheskie issledovaniya. – 2000. – № 6. – S. 78–87.

Hazanov A. M. Kochevniki i vneshnij mir / A. M. Hazanov. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. – 512 s.

Barcus H. R. Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform / H. R. Barcus // Geographical Review. – 2018. – Vol. 108. – No. 1. – P. 138–157.

Bold B. Socioeconomic segmentation – Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia / B. Bold // Nomadic Peoples. – 1996. – No. 39. – P. 69–86.

Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges / ed. by Ole Bruun, Ole Odgaard. – London: Routledge, 1996. – 260 p.

Rossabi M. Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists / M. Rossabi. – University of California Press, 2005. – 418 p.

Sneath D. Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia / D. Sneath // Oxford Development Studies. – 2003. – No. 4. – P. 441–459.

Social Structures: a Network Approach / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 513 p.

Szynkiewicz S. Mongolia's Nomads Build a New Society Again: Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy // Nomadic Peoples. – 1993. – No. 33. – R. 163–172.

Cerenhand G. Mongol ahuj – ugsaa, soyolyn sudalgaa. Byteelijn tyγver / G. Cerenhand. – Ulaanbaatar hot: «Admon-print» HKHK, 2015. – 572 h.